
Книга V
Последняя грань
ФЭНТЕЗИ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ДРАМА

Милена Харламова

Последняя грань

«Автор»
2026

Харламова М. А.

Последняя грань / М. А. Харламова — «Автор», 2026

Сага "ХРОНИКИ ТОНКОЙ ГРАНИ"Что, если твои воспоминания — не вся правда? Если прошлое можно переписать, память изменить, а реальность заставить выглядеть совсем иначе?Всё начинается с загадочного Дома, которого нет на городских картах. Мильхара переступает его порог и оказывается втянута в цепь мистических событий, ведущих к тайным архивам, забытым историям и Палимпсесту — системе, способной влиять на человеческую память и восприятие мира.Постепенно открывается пугающая истина: тот, кто контролирует информацию, может управлять тем, во что верят люди, что помнят и какие решения принимают.Пять книг, полных загадок, неожиданных открытий, магии и опасных выборов, проведут вас по тонкой грани между правдой и иллюзией.Это история о тайнах, которые лучше не знать, и истине, за которую придётся бороться. О свободе мысли, силе выбора и праве каждого человека самому определять свою жизнь.А если реальность не такая, какой ты её помнишь, готов ли ты узнать правду?

© Харламова М. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Версия, которой не было 5
Глава 1. Утро одинаковых историй 7
Глава 2. Последнее предупреждение 14
Глава 3. Архив под давлением 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Милена Харламова
Последняя грань

Пролог. Версия, которой не было

Севран Бельск разложил на столе три документа об одном событии. Все они содержали достоверные факты, но по-разному объясняли причины произошедшего и называли разных виновников.

Он перечитал их и задержал взгляд на последнем листе.

Люди помнили одно и то же событие по-разному. Архивы подтверждали их воспоминания, но теперь даже документы переставали быть надёжной опорой.

Севран считал, что противоречия порождают новые конфликты. Если оставить людям только одну подтверждённую версию, им больше не придётся спорить о прошлом.

На схеме Палимпсеста ещё сохранялись связи между архивами. Центральный механизм был остановлен, но сама структура продолжала существовать. Один канал удалось отключить. Остальные оставались доступными.

Севран начал с малого: изменил порядок архивных записей, убрал ссылки на противоречащие документы, объединил материалы, которые раньше хранились отдельно. Ничего не исчезало полностью. Просто найти прежние свидетельства становилось всё труднее.

Он понимал, что некоторые его действия затронут чужую память. Но убеждал себя, что предотвращает нечто худшее.

На чистом листе он написал:

«Если люди больше не смогут подтвердить противоречие, оно перестанет определять их настоящее».

Работа началась без вспышек и тревожных сигналов. В одном архиве изменился каталог. В другом несколько писем оказались в новой последовательности. Где-то старая запись стала единственным доступным подтверждением события.

Каждое изменение выглядело незначительным. Но постепенно разные архивы начинали рассказывать одну и ту же историю.

Севран закрыл папку.

Он ещё не знал, что однажды эта история станет настолько привычной, что люди перестанут замечать: когда-то всё было иначе.

Глава 1. Утро одинаковых историй

Первым изменилось не воспоминание.

Первым изменился вопрос.

В небольшом городе на северном берегу, где старые дома стояли вдоль канала, а мосты каждую весну приходилось укреплять заново, торговка травами по имени Эльва Норн пришла к архивному служителю с просьбой найти запись о наводнении двенадцатилетней давности. Она хотела узнать, кто тогда открыл шлюз: городской смотритель, приказавший спасти нижние улицы, или его помощник, который утверждал, что действовал по собственной инициативе.

Вопрос был старым. Спор о шлюзе пережил самого смотрителя, смену городского совета и две попытки официально закрыть расследование.

Но в тот день Эльва задала его иначе.

— Покажите мне запись о том, как смотритель принял единственно возможное решение.

Архивный служитель поднял голову.

— Какое решение?

— Он открыл шлюз, чтобы спасти город. Разве не так?

Служитель не ответил сразу. Он помнил другое. В детстве его отец рассказывал, что смотритель колебался, пока вода не прорвала боковую перегородку. По словам отца, именно помощник первым заметил, что нижние улицы уже затоплены, и открыл проход, чтобы сбросить воду в старый карьер. Смотритель после этого приказал отвести людей с набережной.

В официальной записи говорилось ещё иначе: решение приняли двое, но никто не мог установить, кто первым предложил открыть шлюз.

— В архивах нет слов «единственно возможное», — сказал служитель.

Эльва нахмурилась.

— Значит, запись неполная.

— Она содержит несколько свидетельств.

— Свидетельства могут противоречить друг другу. А событие было одно.

— Это не значит, что один из рассказов обязательно ложный.

Женщина посмотрела на него так, будто он намеренно усложнял простую вещь.

— Все в городе помнят, что смотритель спас нас. Почему вы хотите оставить сомнения?

Она ушла, не дождавшись ответа.

Служитель остался у стола. Он открыл журнал на странице, где были перечислены материалы о наводнении, и обнаружил, что одна из ссылок ведёт не к документу, а к пустому разделу.

На полях стояла аккуратная отметка:

«Версия подтверждена. Противоречащие материалы не требуются для дальнейшего рассмотрения».

Он не знал, кто сделал эту запись. Почерк был чужим, но чернила не отличались от тех, которыми заполняли журнал последние несколько лет. У отметки не было даты, номера решения или подписи ответственного хранителя.

Служитель закрыл книгу.

Он ещё не понимал, что произошло. Но впервые за многие годы ему показалось, что архив не просто хранит ответы. Кто-то начал решать, какие вопросы людям позволено задавать.

В другом городе мальчик спорил с сестрой из-за старой семейной фотографии.

На снимке их мать стояла у порога дома, которого больше не существовало. Рядом с ней находился мужчина в тёмном пальто. Мальчик был уверен, что это их дед, которого он никогда не видел. Сестра утверждала, что на фотографии изображён сосед, помогавший семье переехать после пожара.

Раньше они спорили об этом каждый год. Мать не любила рассказывать о том времени и всегда говорила, что память у неё сохранилась плохо. В семейной коробке лежали два письма, но одно не содержало имени, а второе было написано уже после переезда.

В тот день сестра взяла фотографию и произнесла:

— Это дед. Он пришёл к нам перед отъездом.

Мальчик хотел возразить, но слова не нашлись. Он помнил, как сестра много раз говорила обратное. Помнил её уверенность, её раздражение, однажды даже слёзы, когда он назвал мужчину на снимке дедом.

Теперь сестра смотрела на фотографию спокойно.

— Ты же тоже это помнишь, — сказала она.

Мальчик почувствовал, что должен согласиться.

Не потому, что поверил. Не потому, что увидел на снимке что-то новое. Он просто не смог удержать прежнее воспоминание в той форме, в какой оно существовало ещё минуту назад. Оно стало скользким, будто чужие слова наложились на него и вытеснили собственные.

— Наверное, — ответил он.

Сестра улыбнулась.

— Вот видишь. Иногда мы спорим только потому, что не хотим признать очевидное.

Она убрала фотографию в коробку.

Мальчик не стал спорить снова. Но ночью он проснулся от странного ощущения: в памяти оставалось не само изображение, а пустое место вокруг мужчины в пальто. Он не мог вспомнить, почему раньше был уверен, что это сосед. Он мог лишь чувствовать, что прежде знал что-то важное и теперь не мог добраться до этого знания.

Утром он рассказал об этом матери.

Она выслушала его и долго молчала.

— Я тоже стала вспоминать тот переезд иначе, — сказала она наконец. — Будто мы все с самого начала знали, кто пришёл к нам в тот день.

— А ты знаешь?

Мать посмотрела на закрытую коробку.

— Не знаю.

Она произнесла это тихо, словно признание могло навредить кому-то, кого уже не было рядом.

— Но теперь мне кажется, что я должна знать.

К полудню подобные сообщения начали поступать в независимые архивы.

Сначала их сочли обычными ошибками памяти. Люди повторяли услышанные рассказы, смешивали семейные истории с официальными публикациями, принимали поздние объяснения за ранние воспоминания. После событий вокруг центрального механизма все архивы ожидали новых попыток вмешательства, поэтому сотрудники были готовы видеть угрозу в каждом несоответствии.

Именно поэтому первые тревожные записи не произвели немедленного впечатления.

В одном городе несколько свидетелей внезапно стали использовать одинаковую формулировку для описания старого пожара. В другом исчезли расхождения между двумя версиями соглашения, которое заключили после конфликта между поселениями. В третьем читатели обнаружили, что каталог больше не выдаёт документы, ранее доступные по прежним запросам.

Каждый случай по отдельности имел объяснение.

Совпадение формулировок могло возникнуть из-за общего источника. Исчезнувшая ссылка — из-за ошибки переписи. Уточнённая версия соглашения — из-за новой каталогизации.

Но к вечеру три архива, не связанные друг с другом общими хранителями, передали один и тот же фрагмент отчёта.

В каждом отчёте было написано:

«Расхождение устранено. Первоначальная версия признана неполной. Доступ к противоречащим материалам не требуется».

Формулировки совпадали до знака препинания.

При этом сами отчёты были созданы в разных городах, в разные годы и людьми, которые не могли знать друг о друге. Один документ хранился на бумаге, второй существовал в двух независимых копиях, третий был внесён в реестр задолго до последней реформы архивного доступа.

И во всех трёх случаях отметка появилась без указания автора.

Мильхара увидела первый отчёт перед закатом.

Она находилась в комнате, которую новые хранители выделили для исследования связей Тонкой Грани. На стене висела карта, оставшаяся после событий у центрального механизма. Теперь на ней были отмечены не только подтверждённые вмешательства, но и естественные аномалии, неподтверждённые связи и участки, которые ещё предстояло изучить.

Карта больше не выглядела как схема, обещающая привести к единому ответу. Она была похожа на рабочую запись, где каждое утверждение имело свою степень надёжности.

Демьян положил отчёт на стол.

— Я не хочу, чтобы ты делала вывод до того, как прочтёшь все три.

— Значит, ты уже сделал вывод.

— Я сделал предположение. Это разные вещи.

Он разложил документы рядом, указав даты, происхождение и различия между носителями.

Мильхара сначала прочитала их молча.

— Одинаковые формулировки, — сказала она.

— И одинаковое последствие. Во всех трёх случаях доступ к материалам, которые противоречат принятой версии, оказался ограничен.

— Ограничен кем?

— Неизвестно. В журналах нет решения. Есть только результат.

Мильхара провела пальцем по краю второго листа.

— Само совпадение ещё не доказывает магическое вмешательство. Кто-то мог использовать общий шаблон.

— Я проверил. В доступных каталогах такого шаблона нет. И формулировка не встречается в прежних версиях документов. Но это не исключает неизвестного источника.

— А изменения памяти?

— Мы не можем проверить их напрямую. У нас есть свидетельства людей, которые говорят, что помнят иначе. Но у нас нет надёжного способа определить, когда именно изменилось воспоминание и было ли оно изменено магически.

Мильхара кивнула.

Это было именно то, чего она боялась после остановки центрального механизма: не новая вспышка силы, не разрушение архива, не исчезновение всех следов прошлого, а ситуация, в которой любое объяснение можно было объявить недоказанным, а любое сомнение — несущественным.

— Что ты предлагаешь? — спросила она.

— Проверить не содержание историй, а последовательность изменений. Найти ранние копии, зафиксировать время появления отметок, сравнить журналы доступа. Если воздействие действительно синхронное, оно должно оставить следы в способе обработки документов.

— А если не оставит?

— Тогда мы не сможем утверждать, что обнаружили систему. Но сможем показать, что именно проверили и почему результат остался неопределённым.

Мильхара посмотрела на карту.

— Начни с независимых архивов. Не с тех, где уже нашли совпадения, а с тех, которые пока не сообщили о проблеме.

— Ты хочешь искать отсутствие изменений?

— Я хочу проверить, распространяется ли явление на все архивы или только на определённые группы. Если мы будем изучать лишь места, где нашли одинаковые записи, то рискуем принять выборку за весь мир.

Демьян помолчал.

— Хорошо. Но если воздействие уже идёт, мы можем потерять время.

— Если начнём действовать без проверки, можем потерять людей, которым приписываем последствия, и записи, которые попытаемся защитить. Мы не обязаны выбирать между поспешностью и бездействием. Мы можем определить, какие проверки нужны немедленно, а какие действия пока допустимы.

Демьян записал её слова.

Он не считал Мильхару безошибочной. И она больше не ожидала, что он будет считать её таковой.

Их работа держалась на другом: каждый мог оспорить вывод другого, если у него были основания.

Второй отчёт пришёл ночью.

На этот раз сообщение поступило не из архива, а от человека, который прежде участвовал в исследовании естественных аномалий Тонкой Грани. Он не утверждал, что видел магическое воздействие. Он описал разговор с тремя жителями одного поселения, которые независимо друг от друга рассказали о происшествии, случившемся много лет назад.

Все трое использовали одну и ту же последовательность фраз.

Не просто одинаковые слова — одинаковые паузы, одинаковый порядок деталей, одинаковую оговорку в одном и том же месте.

Исследователь приложил записи, сделанные до разговора, и указал, что не может подтвердить их подлинность без дополнительной проверки. Но дата первой записи предшествовала последним событиям у центрального механизма.

Мильхара перечитала свидетельства дважды.

— Это уже не похоже на обычный слух, — сказала она.

— Не похоже, — согласился Демьян. — Но мы всё ещё не знаем, связано ли это с изменением памяти или с изменением способа, которым люди рассказывают о ней.

— Если человек помнит иначе, он может искренне повторять новую версию. Если меняется доступ к документам, ему становится труднее проверить собственное воспоминание. А если меняются оба условия одновременно…

Она не закончила.

Перед ней возникла знакомая схема: сначала человеку показывают одну версию, затем закрывают доступ к остальным, а после этого само отсутствие альтернатив становится доказательством правильности выбранного рассказа.

Севран не обязан был заставлять каждого человека поверить в одну историю сразу. Достаточно было сделать так, чтобы любая другая история постепенно перестала подтверждаться.

— Это не просто корректировка памяти, — произнесла Мильхара. — Это изменение условий, при которых люди могут проверять свои воспоминания.

Демьян посмотрел на неё.

— Ты считаешь, что это Севран?

— Я считаю, что его прежний план был направлен на централизованное изменение связей между историями. Теперь мы видим признаки синхронных изменений и ограничений доступа. Это согласуется с его целью. Но имя исполнителя пока остаётся гипотезой.

— Если мы будем ждать подтверждения, он может завершить операцию.

— Если объявим его виновным без доказательств, то повторим то, что он делает с другими: заменим проверку уверенностью.

Она подошла к карте и сняла с неё одну старую отметку, которая обозначала предполагаемый резервный канал. Рядом написала: «Требует повторного подтверждения».

— Но мы можем действовать на основании риска, — добавила она. — Не объявляя виновного, защитить архивы, сохранить копии и предупредить хранителей, что одинаковые записи не следует считать независимыми свидетельствами, пока не установлено их происхождение.

Демьян взял чистый лист.

— Я подготовлю сообщение. Оно будет содержать наблюдаемые факты, возможные объяснения и меры предосторожности. Отдельно отмечу, что связь с Севраном пока не подтверждена.

— И добавь: нельзя уничтожать или исправлять записи только потому, что они противоречат новой версии.

— Добавлю.

Мильхара снова посмотрела на три отчёта.

Теперь она понимала, что утро одинаковых историй было не единичной аномалией. Оно могло стать началом процесса, в котором люди потеряют возможность отличать собственное воспоминание от версии, доступной им в данный момент.

Она не знала, насколько далеко зашло воздействие.

Но знала, что нельзя ждать, пока исчезнет само различие между тем, что люди помнили, и тем, что им разрешат помнить.

Перед рассветом в комнате появился Арден.

Он прочитал отчёты, не задавая вопросов, и долго стоял перед картой. Потом указал на участок, где были отмечены резервные связи центрального механизма.

— Ты думаешь, это один из каналов?

— Возможно, — ответила Мильхара. — Но мы не можем связать его с конкретным узлом без проверки.

— В прошлый раз ты пошла к центральному механизму, потому что решила, что именно там находится источник.

— В прошлый раз мы знали, что Севран готовит запуск на центральном узле. Теперь мы видим последствия, но не знаем, откуда они идут.

Арден кивнул.

— Значит, нельзя повторить прежний маршрут.

— Нельзя считать, что он снова приведёт к решению.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Ты изменилась.

— Не настолько, чтобы перестать ошибаться.

— Это хорошая перемена.

Мильхара не ответила. Она знала, что Арден говорил не о силе, которую она приобрела, а о границе, которую научилась признавать.

Раньше она стремилась найти источник, добраться до него и остановить воздействие. Теперь понимала, что система могла существовать сразу в нескольких местах: в механизме, в архивах, в правилах доступа и в людях, которые добровольно отказывались от сомнений, потому что устали жить среди противоречий.

Уничтожить один узел было недостаточно.

— Нам нужно понять, что происходит с людьми, — сказала она. — Не только с документами.

— И как ты собираешься это сделать?

— Не пытаясь проверить чужую память силой. Мы начнём с добровольных свидетельств, с тех, кто готов сравнить собственные записи с тем, что помнит сейчас. Но нельзя заставлять людей доказывать, что их память изменилась. Если они не хотят участвовать, мы должны уважать отказ.

— Это замедлит исследование.

— Да.

— И оставит часть вопросов без ответа.

— Да.

Арден посмотрел на неё с тихим одобрением.

— Тогда, возможно, ты готова к тому, что будет дальше.

Мильхара снова повернулась к карте.

За окнами начинался новый день.

В разных городах люди просыпались с одинаковыми рассказами о событиях, которые когда-то помнили по-разному. В некоторых местах архивные каталоги уже перестали показывать противоречащие записи. В других хранители ещё не замечали изменений. А где-то, воз-

можно, уже существовали документы, которые могли бы объяснить происходящее, но доступ к ним был закрыт.

Система Севрана не обязательно должна была заставить весь мир забыть прошлое.

Ей достаточно было сделать прошлое недоступным для независимой проверки.

Мильхара положила ладонь на край стола, но не прикоснулась к карте.

— Мы начнём с того, что можем подтвердить, — сказала она.

И впервые за долгое время это прозвучало не как осторожная отсрочка, а как решение.

Глава 2. Последнее предупреждение

Сообщение от Агаты пришло на третий день после первых совпадений.

Оно не содержало приветствия, подписи или объяснения, почему она решила обратиться именно сейчас. На небольшом листе, доставленном через независимого архивного посредника, были написаны всего несколько строк:

«Следующий этап начнётся до смены ночного дежурства в северном хранилище. Время, указанное в старой схеме, могло измениться. Не доверяйте одному каналу связи. Если увидите одинаковую отметку в разных журналах, проверяйте не только содержание, но и происхождение отметки».

Ниже стоял знак, которым Агата помечала свои личные документы. Подписи не было.

Демьян положил лист рядом с отчётами.

— Это может быть предупреждение. Может быть приманка. Может быть подлинное сообщение, которое изменили по дороге.

— Ты проверил способ доставки? — спросила Мильхара.

— Посредник подтвердил, что получил лист от человека, которого знает несколько лет. Но он не видел, кто передал его тому. Мы можем подтвердить только последний участок цепочки.

— Значит, сам факт передачи подтверждён, а источник сообщения пока нет.

— Именно.

Мильхара прочитала строки ещё раз.

— «До смены ночного дежурства». Это не точное время.

— Но, если Агата располагает сведениями о следующем этапе, она могла намеренно не указывать точный час. Или не знать его сама.

Арден стоял у окна и слушал, не вмешиваясь. После событий у центрального механизма он перестал предлагать готовые объяснения прежде, чем остальные успевали сформулировать собственные.

— Мы должны связаться с ней, — сказал он наконец.

— Если канал контролируется Севраном, он узнает, что предупреждение дошло, — ответил Демьян.

— Если не свяжемся, мы не узнаем, что ещё она может подтвердить.

— Поэтому мы не будем использовать тот же путь, — сказала Мильхара. — Сначала найдём независимый способ установить, находится ли Агата в безопасности и может ли она подтвердить сообщение. Не будем спрашивать у неё то, что можно проверить без неё.

Демьян кивнул и раскрыл журнал расследования.

Он разделил страницу на три колонки: подтверждённое, вероятное и неизвестное.

В первой записал факт получения листа и проверенные сведения о посреднике. Во второй — предположение, что предупреждение связано с изменениями в архивах. В третьей оставил пустое место для времени следующего этапа, точного местоположения канала и состояния самой Агаты.

— Мне хочется заполнить эту колонку, — признался он.

— Мне тоже, — сказала Мильхара.

— Это плохо?

— Только если мы начнём выдавать желание за знание.

Вместо немедленного поиска Агаты Демьян отправил три запроса в архивы, не связанные между собой общими хранителями. Каждый запрос содержал собственный набор вопросов, но не упоминал предполагаемую операцию Севрана.

Первый архив должен был проверить время последних изменений в каталоге. Второй — сопоставить бумажные копии журнала доступа с их цифровыми описаниями. Третий — выяснить, появлялись ли за последние дни одинаковые формулировки в документах, созданных независимо друг от друга.

Ответы должны были поступить разными путями.

Это казалось медленным способом расследования. Но если бы все три архива получили один и тот же текст с готовым выводом, они могли бы повторить его независимо лишь внешне. Поэтому Демьян не сообщал им, что именно ожидает обнаружить.

— Ты боишься, что они начнут искать то, что мы уже нашли, — сказала Мильхара.

— Я боюсь, что они начнут находить только то, что мы им предложили искать.

— Но, если мы ничего не объясним, они могут не заметить важной связи.

— Поэтому вопросы разные. Мы не скрываем цель проверки, но не задаём результат заранее.

Он положил рядом три копии запросов.

— Когда ответы придут, мы сможем сравнить не только документы, но и сами процедуры проверки. Если три группы независимо обнаружат один и тот же факт, это будет полезнее, чем если все три повторят наш вывод.

Мильхара посмотрела на формулировки.

— Ты превращаешь расследование в метод, которым смогут пользоваться без нас.

— Иначе всё снова будет зависеть от того, кому мы доверяем.

Эти слова напомнили ей о старых ошибках. Совет Безмолвия оправдывал контроль тем, что люди не способны самостоятельно разобраться в противоречиях. Севран пришёл к похожему выводу другим путём: если общество устало от разногласий, значит, кто-то должен устранить их источник.

Теперь Демьян предлагал не убедить всех доверять исследователям, а сделать так, чтобы любой желающий мог проверить, как исследователи пришли к своим заключениям.

— Хорошо, — сказала Мильхара. — Но добавь правило: если независимые проверки расходятся, мы публикуем расхождение, а не выбираем самый удобный результат.

Демьян внёс поправку.

— Так расследование может никогда не закончиться.

— Оно может закончиться на конкретном вопросе. Но мы не должны притворяться, что вместе с ним исчезли все остальные.

Первый ответ пришёл из архива на южном побережье.

Хранители сообщили, что в последние двое суток изменились описания нескольких документов, связанных с давним спором о распределении воды. При этом сами бумажные оригиналы оставались на месте. В электронном каталоге исчезли ссылки на два свидетельства, противоречивших официальной версии, а рядом с основным документом появилась отметка о завершённой проверке.

Хранители не могли установить, кто изменил каталог. В журнале доступа значилась общая служебная учётная запись, которой пользовались несколько сотрудников. Само изменение могло быть внесено человеком, имевшим обычные полномочия.

Однако отметка о завершённой проверке появилась в момент, когда архив был закрыт для посетителей, а ответственный сотрудник утверждал, что не входил в систему.

Второй ответ пришёл спустя несколько часов.

В северном архиве нашли бумажную копию журнала, в которой сохранилась прежняя ссылка на противоречащие материалы. На новой копии ссылка отсутствовала. При этом дата создания обеих копий была одинаковой, хотя вторая содержала исправления, внесённые позднее.

Третий архив не обнаружил никаких изменений.

Демьян положил ответы рядом и долго смотрел на них.

— Два совпадения и один отрицательный результат, — сказал он. — Этого достаточно, чтобы говорить о повторяющемся явлении в отдельных местах. Но недостаточно, чтобы утверждать, что все независимые архивы затронуты.

— А отсутствие изменений в третьем архиве не доказывает, что он защищён, — добавила Мильхара. — Мы не знаем, проверяли ли его теми же способами.

— Значит, следующий этап — проверить метод проверки.

— И сделать это до того, как начнём переносить документы.

Демьян согласился. Он не хотел подвергать архивы риску, но и не собирался объявлять их безопасными только потому, что в них ещё не обнаружили проблему.

В тот же вечер они получили возможность связаться с Агатой.

Она находилась в небольшом помещении при архиве, где раньше хранили документы, ожидавшие независимой экспертизы. Комната не имела отдельного выхода, но располагалась вне основного каталожного зала. Агата выбрала её сама, чтобы не вести разговор рядом с материалами, к которым Севран мог иметь доступ.

На её лице не было прежней собранности. Она выглядела так, словно несколько ночей подряд пыталась решить задачу, у которой постоянно менялись исходные условия.

— Вы получили сообщение, — сказала она.

— Получили, — ответил Демьян. — Но не знаем, насколько точно оно передаёт ваши сведения.

— Я тоже не знаю, какая часть дойдёт до вас без изменений. Поэтому не буду просить поверить мне на слово.

Она достала из папки две схемы. На первой были отмечены три последовательных этапа. На второй — отдельные точки, рядом с которыми стояли даты и короткие замечания.

— Это не полный план Севрана, — сказала Агата. — Это то, что я смогла восстановить из документов, к которым у меня ещё оставался доступ. Первый этап уже начался. Он должен был подготовить архивы к принятию единой версии, не вызывая немедленного сопротивления. Второй связан с ограничением доступа к противоречащим материалам. Третий должен синхронизировать изменения в связанных узлах.

— Что означает «синхронизировать»? — спросила Мильхара.

— Я не могу утверждать, что понимаю все технические детали. В старых схемах это слово использовалось для обозначения согласования результатов между узлами. В новых документах оно появляется рядом с записями о людях, которые вспоминают события одинаковыми словами.

— То есть речь может идти о воздействии на память, а не только на архивы.

— Да. Но я не знаю, будет ли воздействие прямым, через связанные узлы или через изменение доступа к записям. Возможно, используются сразу несколько способов.

Демьян развернул первую схему.

— Здесь указан срок следующего этапа. Откуда он взялся?

— Из журнала подготовки. Там было написано, что переход должен произойти до смены ночного дежурства в северном хранилище. Но журнал не обновлялся после последних изменений. Я не могу гарантировать, что время осталось прежним.

— Почему вы не передали нам документы раньше?

Агата не отвела взгляд.

— Потому что я пыталась получить подтверждение, что схема ещё действует. Я боялась, что, если передам неполные сведения, вы начнёте операцию по неверному времени и потеряете возможность вмешаться позже.

— А если бы вы ждали ещё день?

— Тогда вы могли бы узнать слишком поздно.

— Вы понимаете, что это тот же выбор, который вы делали раньше? — спросил Демьян. — Вы решаете, сколько другим людям нужно знать, чтобы они не приняли неправильное решение.

Агата сжала пальцы.

— Понимаю. Поэтому я передала вам всё, что у меня есть. Включая документы, которые могут показать, что я ошибалась.

Мильхара внимательно изучила вторую схему.

На ней были отмечены четыре точки. Две совпадали с архивами, где обнаружили изменения. Третья находилась в районе, где независимые хранители ещё не сообщали о нарушениях. Четвёртая была обозначена без названия.

— Что это за точка?

— Не знаю. В журнале она названа резервным наблюдательным узлом. Я не смогла установить, где он находится.

— А почему вы считаете, что он связан с операцией?

— Потому что рядом с ним указано время повторной проверки, а в другом документе этот же знак стоит возле отметки о переходе к следующему этапу.

Демьян не стал делать вывод сразу. Он записал происхождение обеих схем и попросил Агату отдельно указать, какие элементы она видела в оригинале, а какие восстановила по копиям.

Она выполнила просьбу, даже когда это означало пометить несколько ключевых деталей как неподтверждённые.

— Я не могу гарантировать точность всех данных, — сказала она. — Севран контролирует часть каналов. Некоторые записи могли быть изменены до того, как я получила к ним доступ. Другие могли быть неполными с самого начала.

— Но вы уверены, что операция продолжается? — спросила Мильхара.

Агата замолчала.

— Я уверена, что Севран не отказался от своей цели. Уверена, что в последние дни он собирал оставшиеся материалы и пытался восстановить доступ к резервным связям. Но я не знаю, на какой стадии находится каждый узел. Если я скажу больше, это будет не свидетельство, а догадка.

Мильхара кивнула.

В её глазах Агата больше не была человеком, который должен принести окончательный ответ. Она была свидетелем с ограниченным доступом, собственными ошибками и сведениями, которые требовали проверки.

И именно поэтому её сообщение имело ценность.

Они провели остаток ночи, составляя план.

Демьян предложил разделить действия на три независимых направления.

Первое — защита документов. Марфа должна была организовать копирование ключевых записей и открыть журнал доступа, чтобы любые изменения фиксировались несколькими независимыми хранителями.

Второе — проверка каналов. Мильхара вместе с исследователями должна была установить, какие узлы действительно связаны с синхронными изменениями, не пытаясь сразу воздействовать на них.

Третье — проверка человеческих свидетельств. Добровольцам предлагалось сопоставить собственные записи с воспоминаниями, но никто не должен был подвергаться магическому исследованию без согласия.

Арден настоял на дополнительном условии: у каждого направления должны быть заранее определены границы остановки.

Если при копировании обнаружится, что доступ к исходному документу уже изменён, копирование не должно автоматически считаться восстановлением оригинала. Если исследование узла начнёт затрагивать соседние связи, его следует остановить, даже если это оставит часть вопросов без ответа. Если доброволец передумает, его отказ не должен становиться основанием для давления или подозрений.

— Мы не можем заранее предусмотреть всё, — сказал Арден.

— Не можем, — ответила Мильхара. — Но можем определить, что не будем делать даже в случае неудачи.

— Например?

— Не будем стирать противоречия ради быстрого восстановления порядка. Не будем объявлять одну версию истинной только потому, что она согласуется с большинством записей. Не будем считать человека виновным за отказ участвовать в проверке. И не будем продолжать вмешательство только потому, что уже начали его.

Демьян записал эти условия отдельно, чтобы они не растворились среди технических пунктов.

Когда план был готов, он оказался не похож на привычную схему операции. В нём не было единственного пути к цели. Были несколько возможных последовательностей, резервные

способы проверки и критерии, при которых герои должны были признать, что не могут безопасно продолжать.

— Если один канал окажется ложным, — сказал Демьян, — мы не потеряем весь план.

— Если один канал окажется ложным, мы должны будем пересмотреть всё, что от него зависело, — уточнила Мильхара.

— В том числе собственные выводы.

— В первую очередь собственные выводы.

Агата посмотрела на схему, лежавшую между ними.

— Севран назовёт это слабостью. Он скажет, что вы слишком долго проверяете сведения, пока люди продолжают страдать от противоречий.

— Возможно, — ответила Мильхара. — Но, если ради прекращения страдания мы лишим людей права знать, что с ними произошло, мы не остановим его план. Мы только предложим другой вариант той же системы.

Агата опустила глаза.

— Я слишком долго думала, что могу изменить его, оставаясь рядом.

— Теперь вы можете помочь нам проверить его действия, — сказала Мильхара. — Это не отменит прошлого. Но позволит сделать следующий шаг иначе.

На рассвете они разошлись по своим направлениям.

Перед уходом Демьян свернул копии схем и поместил каждую в отдельный пакет. Один предназначался для Марфы, другой — для независимой группы проверки, третий оставался у него. Если документы расходились бы между собой, расхождение должно было стать частью расследования, а не поводом выбрать наиболее удобный экземпляр.

Мильхара задержалась у двери.

— Агата.

Та подняла голову.

— Если вы узнаете, что время изменилось, не пытайтесь самостоятельно исправить схему. Передайте сведения с пометкой, что именно вы видели и чего не знаете.

— Даже если это задержит вас?

— Особенно тогда.

Агата медленно кивнула.

Впервые за долгое время она не пыталась взять на себя ответственность за решение, которое должны были принимать другие.

А операция Севрана продолжалась.

К утру в журнале расследования появилась новая запись:

«Получены сведения о подготовке следующего этапа централизованного изменения. Источник сообщения установлен частично. Ключевые признаки подтверждены независимыми наблюдениями: синхронные изменения архивных отметок, ограничение доступа к противоречащим материалам, совпадение формулировок в документах разного происхождения. Точное время и полный состав задействованных узлов не установлены. План действий предусматривает независимую проверку каждого направления и обязательные условия остановки».

Демьян поставил подпись.

Мильхара добавила рядом свою:

«Подтверждение угрозы не означает подтверждения всех предположений о её источнике».

Это было не признание сомнения ради сомнения.

Это было обещание не превращать борьбу с Севраном в новую систему, где правильность решения определялась только уверенностью того, кто его принимал.

Глава 3. Архив под давлением

К полудню независимый архив оказался окружён людьми.

Они не ломали двери и не пытались проникнуть в хранилище силой. Большинство пришедших держали в руках заявления, копии старых документов и списки вопросов, которые, по их словам, годами оставались без ответа.

Одни требовали открыть все записи немедленно. Другие настаивали, что архив должен передать спорные материалы единому совету, который сможет прекратить разногласия. Третьи пришли с пустыми бланками и просили заверить новую версию событий, потому что прежние свидетельства казались им ненадёжными.

Вскоре появились бывшие служители Совета Безмолвия.

Они не представлялись официальными представителями Совета — его прежняя структура уже не существовала в прежнем виде. Но многие люди узнавали их по знакам на одежде и по манере говорить.

Старший из них, мужчина с коротко остриженными седыми волосами, обратился к собравшимся с лестницы перед архивом.

— Мы не можем продолжать жить среди бесконечных противоречий, — произнёс он. — Каждый документ можно оспорить. Каждое воспоминание можно объявить ошибочным. Каждое решение превращается в спор о том, кто помнит лучше. Нам нужна единая процедура, которая позволит установить признанную версию и прекратить бесконечное возвращение к старым конфликтам.

Толпа ответила неоднородным гулом. Одни одобрительно закивали, другие начали задавать вопросы.

— Кто будет устанавливать эту версию? — крикнул кто-то.

— Те, кто обладает необходимыми знаниями.

— А если они ошибутся?

— Тогда решение можно будет пересмотреть.

— Кем?

Мужчина не ответил сразу.

— Специалистами, которым будет предоставлен соответствующий доступ.

Мильхара, стоявшая у входа, почувствовала, как знакомая конструкция постепенно складывается из слов. Никто не требовал открыто уничтожить свидетельства. Никто не говорил, что люди должны забыть прошлое. Предложение звучало разумно: собрать сведения, определить надёжную версию, прекратить хаос.

Но в его основании находился вопрос, который оставался без ответа: кто сможет проверить тех, кому предоставят право окончательно определять, что следует считать прошлым?

Демьян подошёл к ней.

— Они используют реальную проблему, — сказал он. — Люди действительно устали. Некоторые архивы годами не могли разрешить споры, а теперь любые расхождения воспринимаются как возможное вмешательство.

— Если мы будем отвечать только тем, что централизация опасна, они услышат, что мы защищаем хаос.

— Тогда нужно показать, что есть другой способ.

Мильхара посмотрела на людей перед архивом.

— Не только показать. Дать им возможность проверить его самим.

Марфа уже работала внутри хранилища.

За последние часы она успела организовать три группы сотрудников. Первая сверяла физическое состояние оригиналов и составляла перечень документов, которые нельзя было перемещать без специальной процедуры. Вторая создавала копии ключевых материалов, фиксируя не только содержание, но и происхождение каждого экземпляра. Третья принимала запросы посетителей и записывала основания для каждого обращения.

Никто из сотрудников не имел доступа ко всем действиям одновременно.

Это решение вызывало недовольство. Несколько архивистов считали, что распределение полномочий замедляет работу и создаёт ненужные препятствия. Марфа выслушала их и объяснила, что разделение доступа не является наказанием за недоверие к конкретным людям.

— Мы не утверждаем, что кто-то из вас намерен изменить документы, — сказала она. — Мы создаём порядок, при котором никто не сможет незаметно изменить всё сразу. Это относится и ко мне.

Один из старших хранителей нахмурился.

— Вы предлагаете ограничить собственные полномочия?

— Да.

— Но вы лучше других знаете, какие материалы требуют защиты.

— Именно поэтому мои решения тоже должны быть проверяемыми.

Она открыла журнал доступа.

В нём уже были указаны время каждого обращения, имя сотрудника, основание для просмотра и перечень материалов, с которыми он работал. Если документ копировали, запись включала сведения о носителе и способе проверки копии. Если доступ ограничивали, указывали причину и дату пересмотра ограничения.

Марфа знала, как легко превратить такой журнал в декоративную формальность. Достаточно было позволить одному хранителю исправлять записи задним числом или сделать исключение для человека, которого считали особенно надёжным.

Поэтому она предложила, чтобы копии журнала регулярно передавались двум независимым группам, а любое исправление оставляло видимым первоначальный вариант.

— Даже если ошибку обнаружили сразу? — спросил архивист.

— Особенно если сразу. Исправление ошибки не требует делать вид, что её не было.

Она произнесла это спокойно, но для неё самой эти слова имели вес. Когда-то она участвовала в сокрытии сведений, потому что считала, что раскрытие может причинить вред. Теперь ей предстояло защищать не только документы, но и право других людей узнать, каким образом документы были ограничены или изменены.

К вечеру давление усилилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.